

Жития священномученика Пофина, епископа Лионского, мученика Понтика, мученицы Бландины и иных

память 2/15 июня

В 177 году, в разгар гонений Марка Аврелия, когда не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей, были схвачены христиане из Лиона и Вьенны – главных городов Галлии. Претерпев множество оскорблений и издевательств от язычников, они были приведены в суд и допрошены трибуном и магистратами Лиона. Христиане твердо исповедали веру, тогда их заключили в тюрьму вплоть до возвращения правителя.

Правитель осудил их за безбожие и богохульство, не дав возможности защититься. Это испытание раскололо христиан: одни чувствовали себя вполне готовыми к принятию мученичества и решительно отстаивали свою веру; другие же, числом десять, напротив, не нашли в себе довольно веры и решимости выдержать сражение и уступили угрозам тиранов. Это весьма опечалило их сподвижников. Но пустота, возникшая после их отступничества, была вскоре заполнена, потому что каждый день арестовывали все новых и новых христиан и в тюрьме оказались самые деятельные и заметные члены Церквей Вьенны и Лиона.

Правитель велел арестовывать всех, так что были задержаны и некоторые рабы-язычники, находившиеся в услужении у христиан. Испугавшись пыток, на которые были осуждены святые, они оклеветали хозяев, обвинив в том, что на своих собраниях христиане якобы едят человечесину, предаются кровосмешению и совершают другие ужасающие преступления. Эта клевета вызвала бешеную ярость язычников, и святые мученики были подвергнуты неопишущим мучениям, призванным вырвать из их уст богохульные слова.

Гнев народа, правителя и воинов с особой силой обратился на Санкта, диакона из Вьенны; на Матура, недавно принявшего крещение, но уже отважного воина Христова; на Аттала, родом из Пергама, бывшего всегда опорой для христиан Лиона; и, наконец, против юной рабыни Бландины. Все опасались, что из-за юных лет и свойственной женщинам слабости она не выдержит испытаний. Но она оказалась полна такой силы, что ее стойкость перед лицом пыток заставила отступить палачей. Они, сменяясь, пытали ее с утра до вечера и наконец признали себя побежденными и обессиленными. Мучители были изумлены тем, что она

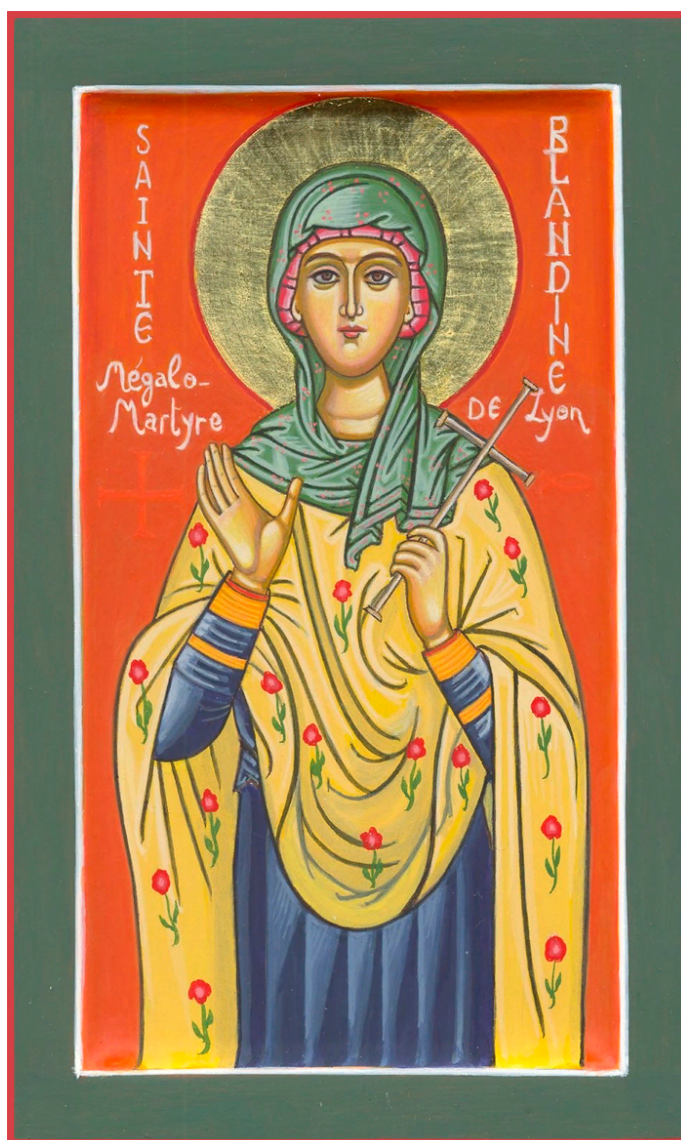
еще дышит, при том что ее истерзанное тело представляло собой одну зияющую рану. Они признали, что даже одной из тех пыток, которым она подверглась, было достаточно, чтобы умереть. Подобно отважному в сражении воину, блаженная Бландина черпала все новые силы в своей вере. Ей достаточно было сказать: «Я христианка, у нас не делается ничего дурного», чтобы не чувствовать боли от мучений. Санкт также с нечеловеческой силой переносил мучения. Однако же язычники не оставляли надежды продолжительными и ужасными пытками вырвать у него признание вины, но ничего не смогли поделать с его несокрушимой силой. Он не сообщил им ни своего имени, ни кто он и откуда. На все вопросы Санкт отвечал по-латыни: «Я христианин!» Ибо это было и его имя, и отчизна, и род – все заключалось в этих словах. Такая твердость вызвала ярость правителя и воинов, которые стали терзать самые чувствительные места его тела раскаленными бронзовыми прутьями. Но даже будучи совершенно израненным, Санкт оставался тверд в исповедании веры, укрепившись и омывшись в животворящем источнике, забившем из ребра Христова. На деле Сам Христос претерпевал вместе с ним и возвеличивал его, низвергая диавола. И даже когда тело мученика представляло собой сплошную рану, было покрыто рубцами и почти утратило присущий человеческому телу вид, он своим примером показывал другим, что нет страха там, где царит любовь Отца, нет боли там, где пребывает слава Христа.

Однако никакие истязания не смогли сломить стойкость мучеников. Тогда диавол изобрел новые способы: их заточили в тесные, темные и сырые узилища, заковав ноги в кандалы и подвергнув неслыханно жестокому обращению тюремщиков, так что большинство исповедников задохнулись в казематах, в том числе епископ Лиона святой Пофин. Но и здесь Господь проявил бесконечное милосердие: некоторые из отрешившихся, заключенные в той же тюрьме и в тех же условиях, поняли, что ничего не выиграли своим отступничеством, и обрели мужество в общении со святыми, которые были исполнены радости благодаря любви Христа и благодати Святого Духа. Их лица сияли славой, они источали благоухание Христово, и сами оковы казались великолепным убором, подобно тому как вышивка золотом украшает наряд невесты. Тогда отступники вновь исполнились мужества и без колебаний исповедали Христа, чтобы также удостоиться славного мученического венца. Великой радостью для Церкви стало принять живыми тех, кто прежде избрал духовную смерть и был исторгнут из ее лоно.

Наконец пришел час отважных подвижников – Матура, Санкта, Бландины и Аттала – удостоиться за подвиги прекрасного, сплетенного из многих цветов венца и положить его к ногам Отца. Их отвели в амфитеатр на потеху бесчеловечным язычникам. Матур и Санкт были под-

вергнуты всевозможным пыткам: они были пронзены прутьями, растерзаны зверями – словом, всем истязаниям, каких в безумии криками требовала толпа. Их посадили на раскаленные железные кресла, отчего поджариваемая плоть испускала ужасный чад. Но ничто не поколебало их решимости, и Санкт продолжал исповедовать: «Я христианин!» В завершении зрелища христианам перерезали горло.

В это время святая Бландина была привязана к столбу и отдана хищникам. Вид девушки, будто распятой на кресте и не перестававшей громко молиться, укреплял ее сподвижников перед лицом предстоящего сражения. Они видели в ней Самого Господа, распятого ради нашего спасения, и наполнялись уверенностью, что все пострадавшие ради Христа будут жить в вечном общении с живым Богом. Ни один из хищных зверей так и не тронул Бландину в тот день. Ничтожная, слабая и презренная, она в тот день была подобна великому и непобедимому Подвижнику – Христу, даровавшему ей победу над врагом. Оставшуюся в живых христианку отправили обратно в тюрьму.

Когда Аттал был присужден к пытке, стало известно, что он римский гражданин, поэтому его дело подлежало рассмотрению императором. Когда ответ кесаря был получен, блаженных исповедников решено было предать смерти на празднике Трех Галлий, на который в Лион съезжались из всех провинций. После театрально обставленного допроса исповедников, тех, кто имел римское гражданство, обезглавили, а прочих отдали на растерзание диким зверям.

Вопреки чаяниям язычников, Христа победно восславили те, кто сперва отрекся, и лишь сыны погибели лишились благодати. Пока шел допрос, некий Александр, врач родом из Фригии, давно обосновавшийся в Галлии, смело исповедал веру. На следующий день его вместе с Атталом привели в амфитеатр. Сперва они были на потеху толпе подвергнуты разного рода мучениям, а затем обезглавлены. Аттал был посажен на раскаленное железное кресло и до последнего вздоха исповедовал Бога истинного. Александр во время пыток пребывал с Богом в сердце своем, не издал ни единого стога и не произнес ни одного слова.

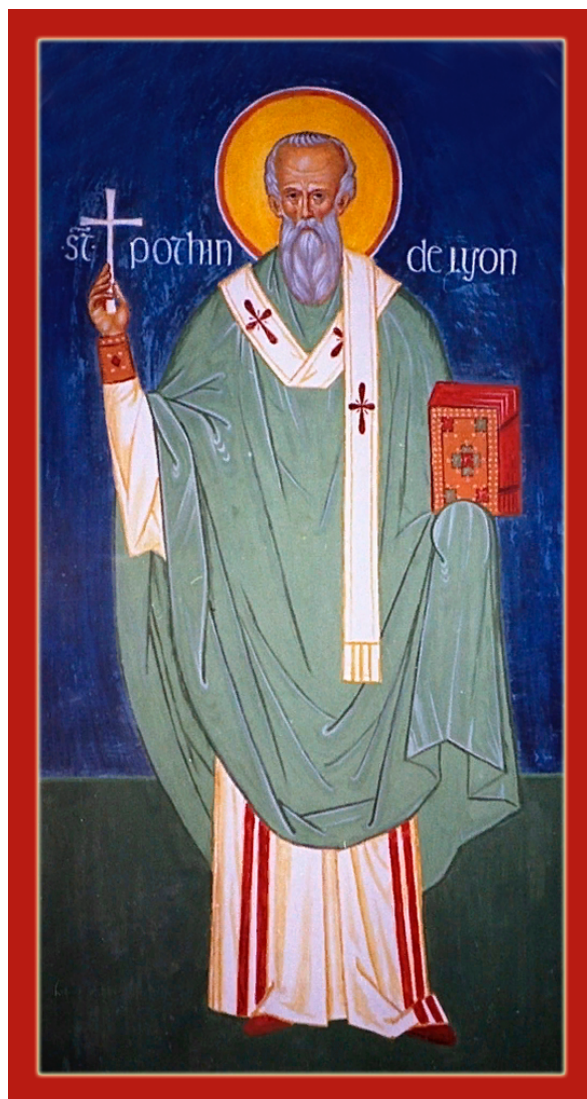
В последний день игр Бландина была вновь приведена на арену вместе с юношей 15 лет по имени Понтик. Каждый день они становились свидетелями мучений своих товарищей, но оставались непоколебимыми. Видя такую решимость, толпа в ярости потребовала расправы, невзирая на юные годы мальчика и без снисхождения к девушке. Их подвергли всевозможным истязаниям, но ничто не могло сломить их. Отважно перенеся все пытки, воодушевляемый сестрой во Христе, Понтик предал душу Господу.

Последней осталась блаженная Бландина, уподобившись благородной матери братьев-Маккавеев (см.: 2Мак.7)^[1]. Она выдержала те же испытания, что ее духовные дети, спеша присоединиться к ним, как будто была звана на брачный пир. Ее бичевали, отдали на истязание хищникам, положили на раскаленную решетку, посадили в ивовую корзину и выпустили на нее быка. Животное много раз подбрасывало святую в воздух, но она не чувствовала боли от происходящего, ибо целиком пребывала в чаянии обетованного блаженства, продолжая обращаться ко Христу. Чтобы завершить зрелище, мученице перерезали горло.

Язычники вынуждены были признать, что ни одна из их женщин не перенесла бы столь жестоких и многочисленных мучений.

После этой кровавой расправы, сделавшей мучениками 48 человек, ярость преследователей все еще не была утолена. Они бросили псам тела тех, кто погиб в тюрьме, и воспретили верующим их хоронить. Тела же тех, кто претерпел мученичество в амфитеатре, были сперва оставлены под открытым небом на шесть дней, а затем сожжены, а пепел брошен в воды Роны.

Иное сказание о мучениках.

Мученичество сорока трёх человек за Христа в Лионе (Лутдуне), одном из главных городов римской провинции Галлия совершилось в 177 году. В том же году церкви Лиона и Виенны составили письмо церквям в Азии и Фригии о мужестве и стойком исповедании галльскими христианами своей веры, которое является первым документальным свидетельством о христианстве на территории современной Франции. Это письмо, дошедшее до нас в изложении Евсевия Памфила, предположительно принадлежит перу известного церковного апологета и богослова священномученика Иринейя,

преемника священномученика Пофина на Лионской кафедре, и представляет главный источник сведений о мучениках.

Письмо описывает гонения на христиан Галлии во время предстоятельства в Римской Церкви епископа Елевферия и царствования императора Марка Аврелия, когда язычники не пускали христиан в дома, в бани, на рынок, им было запрещено показываться на людях, а чернь избивала их на улицах. По приказу трибуна и городских властей христиан вывели на площадь и допросили перед народом. Они исповедали свою веру и были заключены в тюрьму до приезда легата, который обошёлся с ними с жестокостью.

Среди христиан обнаружилось различие: одни были готовы к мученичеству, другие боялись его. При этом каждый день хватали всё новых христиан, забирая самых деятельных и ревностных. Между испугавшихся пыток нашлись лжесвидетели, обращая на верных ещё больший гнев народа своими наветами. Христиане подверглись страшным пыткам, особенно диакон из Виенны Санкт, недавно крестившийся Матур, Аттал-пергамец и юная рабыня Бландина. Их непоколебимое исповедание веры оставляло мучителей бессильными, так как истерзав тела мучеников и превратив их в «сплошную зияющую рану» они не могли вырвать у них отречения. Исповедала Христа под пытками и ранее нетвердая Библиада, отказавшись оговаривать христиан.

Стойкость мучеников сподвигла мучителей на новые козни: «Заключение в мрачные, очень суровые тюрьмы, растягивание ног на деревянной доске до пятой дыры и прочие мучения». Многие умерли, задохнувшись в тюрьме, освобожденные Господом. Другие, которые, казалось, не смогут выжить даже при самом тщательном уходе, продолжали жить в тюрьме и уговаривали и утешали других. Новички же часто не выносили тяжести заключения и умирали в тюрьме. Епископ Лионский Пофин, ученик Поликарпа Смирнского, телесно слабый старец которому было за девяносто, укрепился духом ревности и жаждой мученичества и сам явился к судье. Огромная толпа всячески избивала и забрасывала его камнями, думая, что таким образом они мстят за своих богов. Пофина, едва дышавшего, бросили в тюрьму, и через два дня он испустил дух.

В это время проявилась разница между исповедниками и отрекшимися, которые также содержались в тюрьме по обвинению в убийствах и разврате. Если первые шли веселые, то последние были понурыми и приниженными, что укрепляло остальных в исповедании веры. Исповедников бросили в амфитеатре зверям, но им они снискали разные венки – Матур и Санкт прошли весь круг бичеваний, предания зверям, поджаривания заживо на железном колесе и заколания; подвешенную на столбе Бландину не тронули звери и она снова была брошена в тюрьму; участь Аттала, как римского гражданина, была отсрочена до суждения кесаря. Благодаря исповедникам большинство

отступников тогда вернулось к вере, и с воодушевлением пошло на новые допросы, объявляя себя христианами.

Через некоторое время пришёл ответ кесаря, гласивший: исповедников мучить; кто отречется, тех отпустить. Тогда как раз начиналось собрание провинциалов, на которое сходились представители ото всех племен, и легат превратил выход мучеников к трибуне в театральное зрелище для толпы. Тут он опять их допрашивал: римским гражданам велел отрубить головы, а остальных бросить зверям. Вопреки ожиданию язычников, немало недавних отступников, которых допрашивали особо, обещая освобождение, прославляли Христа. К мученикам присоединился фригиец-врач Александр, прошедший поприще в амфитеатре вместе с Атталом. Понтик, мальчик пятнадцати лет, был искушаем и пытаем вместе с Бландиной и испустил дух, выдержав все испытания. Святая Бландина же, последняя из всех, скончалась претерпев больше всех – её бичевали, оставляли зверям, бросали на раскаленную сковороду и, наконец, посадили в ивовую корзину и бросили быку.

Не успокоившись, язычники стали издеваться над мертвыми телами. Тела задохнувшихся в тюрьме выбросили собакам и старательно стерегли днем и ночью, чтобы никто из наших не похоронил их. Выбросили то, что осталось от огня и звериных зубов: истерзанные, обугленные куски, а также головы и обрубки туловищ – все это много дней подряд оставалось без погребения и бдительно охранялось. Язычники либо скрежетали зубами ища мести, либо

восхваляли идолов, либо укоряли христиан, говоря «Где же их Бог? Какая им польза от их веры, за которую они отдали жизнь?» Сами же верные печалились, ибо не могли предать земле тела, остававшиеся шесть дней под открытым небом. Затем язычники их сожгли и смели пепел в реку Родан, чтобы изгладить их след. Они это делали в расчете победить Бога и отнять у них возрождение «чтобы и надежды у них не было на воскресение, поверив в которое, они вводят странную новую веру, презирают пытки и готовы с радостью идти на смерть. Посмотрим, воскреснут ли они и сможет ли их Бог помочь им и вырвать из наших рук».

Лионские мученики, претерпевшие столь многочисленные пытки, не только сами не объявляли себя мучениками, но запрещали нам их так называть, и, если кто в письме или разговоре обращался к ним: «Мученики», они горько его упрекали, видя истинного Мученика в Христе, а также в прежде отошедших мучениках, говоря: «Вот они, мученики: Христос удостоил принять их при исповедании, запечатлев смертью их свидетельство, а мы просто исповедники ничтожные». Они слёзно просили братьев усиленно молиться, чтобы им устоять до конца, проявляя на деле силу мученичества в смелости, терпении, бесстрашии и твердости. Они молились за своих палачей, подобно первомученику Стефану, а также не превозносились над отрёкшимися, но молились о даровании им веры и жизни во Христе.